

УДК 808.51

**СИМПТОМЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ВОЙНЫ, ИЛИ ЧЕМ ПАХНЕТ ПОКИНУТАЯ РОДИНА
(на материале романа М.П. Шишкина «Венерин волос»)**

А.А. Бернацкая

Статья выполнена в рамках нового направления исследований «лингвистика информационно-психологической войны». Цель анализа – ответить на вопрос, может ли художественное произведение выступать каналом ведения информационно-психологической войны, и если да, то при каких условиях. В качестве главных условий называются: наличие общественно-политического компонента содержания произведения и преимущественно негативный модус представления всего, что составляет государственные устои и национальную гордость граждан страны. Поскольку субъекты противостояния несоизмеримы – с одной стороны писатель-индивид, с другой – государство, народ – эта разновидность ИПВ представляет собой широкомасштабную явную и скрытую деструктивную критику.

Ключевые слова и фразы: манипулирование информацией; симптомы информационно-психологической войны; негативный модус; деструктивная критика.

**SYMPTOMS OF INFO-PSYCHOLOGICAL WAR,
OR HOW THE ABANDONED HOMELAND SMELLS
(based on M.P. Shishkin's novel "Venus's hair")**

A.A. Bernatskaya

The article written is about one of the issues of Linguistics of info-psychological warfare. The aim of the analysis is to answer the question if the work of art could be a channel for conducting the info-psychological war and how. The novel could be used as a means of info-psychological warfare, due to socio-political context and preferably negative representation of country values in the book. Since sides of conflict are unequal – a writer sole as an opponent to government officials and common people – this kind of info-psychological warfare represents actually clear and implicit destructive critics.

Keywords and phrases: manipulation of information; symptoms of info-psychological war; negative modus; destructive critics.

*Когда ж постранствуешь, воротись
домой,*

И дым отечества нам сладок и приятен.

А.С. Грибоедов

*Стоял московский подъездный дух – пахло
мочой, кошками и сырой побелкой.*

М.П. Шишкин

Особая роль знания и информации в ускорении технического прогресса стала доминирующим признаком современной социально-экономической парадигмы и, как следствие, маркером *информационного общества*. Правда, до сих пор нет общепризнанного

определения самой информации. «Отец» кибернетики Н. Винер высказывал мысль, что через понятия информационного обмена, циркулирования информации в принципе можно объяснить все явления окружающего мира: «Информация – это обозначение содержания, полученного из окружающего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств» (цит. по: [Политическая коммуникативистика 2012: 86]). Принципиально важно замечание Ф. Ратцеля о том, что «передача информации в политическом отношении является самой важной из всех коммуникационных услуг» [Там же: 77].

Бурное развитие и использование информационных средств и технологий сделало информацию залогом, источником и непосредственным двигателем изменений во всех сферах жизни общества. Соответственно, заключают исследователи, вопрос власти всё чаще ставится как вопрос обладания информацией [Самохвалова 2013: 185]. Из этого сделан закономерный вывод, согласно которому в XXI веке в связи с развитием информационного пространства и совершенствованием информационного оружия в качестве одной из первоочередных проблем встанет проблема *информационной безопасности* как неотъемлемой составной части *национальной безопасности* любого государства [Новиков 2011: 13; Самохвалова 2013: 190]. И.Н. Панарин и вовсе категорично заявляет: «Только создание информационного спецназа позволит России избежать огромнейших потерь и не наступить *на грабли* 1914–1917 гг.» [Панарин 2003: 3]. Осознание масштабности и неизбежности информационных войн для корпораций, регионов, государств, мирового сообщества привело к формированию новой отрасли прикладной науки – *теории информационных войн* и изданию с 2006 г. под эгидой РАН и Академии военных наук нового периодического издания, журнала «Информационные войны» [Бухарин, Цыганов 2007: 9].

Информационные, или психологические, информационно-психологические войны (Самохвалова В.И., Лисичкин В.А., Шелепин Л.А., Почепцов Г.Г), или *информационная борьба* (Новиков В.К.) стали объектом исследования в 60-е годы XX в. [Костин, Костина 2012: 80]. Феномен имеет длительную и богатую примерами предысторию. Целенаправленное информационно-психологическое воздействие человека на человека в целях изменения его поведения известно с древних времён. Жрецами, государственными и военными деятелями Шумера, Вавилона, Египта, Китая, Древней Греции и Рима формировалось, совершенствовалось и хранилось как тайное оружие, искусство управления мыслями, психологическими состояниями, поступками людей. В трудах Геродота,

Ксенофонта, Плутарха, Юлия Цезаря описываются некоторые приёмы, используемые в целях введения противника в заблуждение, порождения предательства и паники в его рядах, подрыва воли к сопротивлению [Новиков 2011: 14].

Информационные войны – это «общее наименование целого комплекса разного рода и уровня мирных “военных” действий, ведущихся нетрадиционным способом, с опорой на использование культурных средств подавления логического мышления, разрушения его структур при направленном манипулировании информацией. Целью информационных войн становится либо навязывание нужных манипулятору стереотипов мышления, либо информационная дезорганизация, деформация и даже распад парадигм мышления, сознания, деятельности, разложение, развращение, отравление сознания...» [Самохвалова 2013: 192–193]. Информационная война является, с одной стороны, коммуникативным процессом, с другой, отмечает Г.Г. Почепцов, «в её основе лежат когнитивные процессы, поскольку мы стремимся воздействовать на процессы рассуждений оппонентов». Наиболее активно она действует в информационных нишах, которые по каким-то причинам оказались незадействованными официальным информационным пространством [Почепцов 2004: 119, 121].

В отличие от традиционной войны, эту войну никогда не объявляют открыто. Но по масштабам, временным и пространственным параметрам, разрушительной силе и количеству жертв она может и превосходить первую. Зачастую она носит скрытый характер: главный залог успеха агрессивной стороны. Следовательно, важнейшая составляющая подготовки к потенциально возможной инфовойне – учиться распознавать её, точнее, их, так как существует немало разновидностей этой войны, каждая со своими особенностями – уже на начальном этапе.

Объектом поражения и главным полем битвы выступает продукт культурного развития человека – его сознание, целью – стремление завоевать его, увлечь, соблазнить, перенаполнить, обеспечить манипулирование им. Подчёркивается, что информационная война по сути – схватка существующих в разных формах и видах *интеллектуальных ресурсов* противников. Общей методологией информационной войны называют обман (добавим: и, следовательно, ложь, а в случае обороны – доказательство правды). Информационные войны широко используются в экономической, политической, военной борьбе как внутри страны, так и в её отношениях с внешним миром. Внутри общества война может проводиться путём выдвижения ложных, искусственно созданных систем ценностей,

способных произвести парадигмальный сдвиг в общественном сознании, перетолковать прежние ценности и значительно трансформировать характерный для общества тип и образ мышления [Самохвалова 2013: 186–187, 192–193, 201]. В любом случае, это коррекция картины мира объектов воздействия.

«Информационно-психологическое оружие – совокупность специальных методов и средств скрытого и насильственного воздействия на психику человека (людей) с целью управления его (их) поведением (деятельностью) в нужном для воздействующей стороны направлении или уничтожении (гибели) человека (людей)» [Новиков 2011: 146–147]. Информационная война всегда подразумевает как манипуляцию с информацией, так и манипулирование людьми с её помощью. Последнее, в отличие от диалога, превращает их из партнёров в предметы, из субъектов – в объекты [Самохвалова 2013: 188, 204–212]. Таким образом, информация – инструмент манипулятивных действий как способа достижения цели информационной войны.

Предлагаемое исследование выполнено в рамках разрабатываемого А.П. Сковородниковым и Г.А. Копниной проекта по новой исследовательской области, названной авторами *лингвистикой информационно-психологической войны (ЛИПВ)* [Сковородников, Копнина 2016]. Статья представляет собой ещё одну попытку [Бернацкая 2015] ответить на вопрос, допустимо ли, и если да, то при каких условиях, рассматривать художественный текст в контексте информационно-психологической войны. Термин и понятие «война» звучат устрашающе и изначально диктуют ответ «нет». Сама идея анализа конкретного художественного произведения современного автора вызывает абсолютное отторжение даже в лингвистической профессиональной среде как угроза для интерпретатора-лингвиста стать жертвой обвинения в суде по защите чести и достоинства писателя... Выходит, что одни «работники пера» получают индульгенцию, дарующую право выражать и распространять любые идеи, а другие не имеют права на анализ и трактовку этих идей и их влияния на умы и, по большому счёту, на ход мировой истории? Сие не гуманно и не демократично, хочется сказать защитникам первых и хулителям вторых. Тем более, что предпринимаемый анализ – это лишь один аспект анализа произведения, не затрагивающий вопрос о его художественных достоинствах.

Очевидно, объектом анализа на предмет ИПВ может стать художественное произведение, отвечающее ряду условий. Это, прежде всего, наличие в его содержательной структуре общественно-политического компонента; исключительно или, по меньшей мере,

преимущественно негативный модус представления всего, что составляет государственные устои: истории государства, национальной самоидентификации этноса, его языка, верований, ценностных ориентиров, государственных символов; внутренней и внешней политики государства, его международного имиджа; высших достижений в разных областях материального и духовного производства, выдающихся государственных, общественных, культурно-исторических личностей, – всего, что составляет национальную гордость граждан страны и обеспечивает устойчивость существования государства. Поскольку субъектом агрессии по отношению к государству, народу страны выступает индивид – писатель, то в данной разновидности ИПВ едва ли можно вести речь о противостоянии, – слишком несоизмеримы величины. Здесь в войну перерастает широкомасштабная явная и скрытая деструктивная критика. Впрочем, писатель М.П. Шишкин позиционирует себя в ситуации войны: «Язык русской литературы – это оборона. <...> Это моя борьба, моя война», что отмечено в [Морев 2005]. Роман «Венерин волос» М.П. Шишкина отвечает большей части этих условий. Дополнительным аргументом в выборе материала исследования послужил и факт проживания автора за границей (с 1995 г. постоянно) и то, что творчество писателя пользуется широкой известностью: автор – «лауреат всех крупнейших литературных премий» [Чередниченко 2014: 233]; его книги переведены на 30 языков; анонсирована международная конференция, посвящённая его творчеству (Краков, май 2016).

Представляется логичным начать анализ с вопроса об отношении писателя к покинутой родине. Одни читатели и исследователи творчества писателя заявляют о его космополитизме [Чередниченко 2014], русофобии, о том, что «он наслаждается российскими ужасами из сытой Швейцарии» [Оробий 2011: 186]. Критик Е. Ермолин утверждал, что автор «Венерина волоса» «ведёт дело к тому, чтобы доказать как аксиому: Россия – унылая и холодная страна насилия, жестокости, страданий – не может быть местом для жизни, её ресурс в этом качестве исчерпан» (цит. по: [Чередниченко 2014: 234]). Впрочем ещё один участник дискуссий заявляет противоположное: «Осмелюсь предположить, что Шишкин любит Россию, и любит весьма сильно» [Шишкин М.П. Обсуждение. URL: <http://www.ljpoisk.ru/archive/2014/13817834.html> (дата обращения – 13.03.2016)]. Однако в интервью писатель откровенно отрекается от своей родины: люди в его стране были вынуждены дышать «спёртым советским воздухом»; «жить вообще в Советском Союзе было унижительным»; «в мире советской поганой лжи»; книги в библиотеках и книжных магазинах – «это же мертвечина»; сегодняшняя Россия – «страна возрождающегося

шовинизма»; Россия – «монструозное отечество» [Михаил Шишкин: 2009: 131–137]. В другом интервью говорится о «русском гетто», население называется «туземцами» и «дикарями» [Кучерская 2004]. Отказ представлять Россию на международной книжной ярмарке 2013 г. в Нью-Йорке писатель объяснил тем, что её политику считает губительной для России, не приемлет её систему: «Страна, где власть захватил коррумпированный преступный режим, где государство представляет собой воровскую пирамиду, где выборы превратились в фарс, где суды служат власти, а не закону, где есть политические заключенные, где государственное телевидение занимается проституцией, где шайка узурпаторов принимает безумные законы, возвращающие народ в средневековье – такая страна не может быть моей Россией» [Чередниченко 2014: 235]. После таких откровений недоумение вызывает признание: «Мои тексты – это объяснение в любви к моей стране, моему языку». Но любить и охаивать – действия несовместимые. В антитезе тотально плохой России и себя хорошего свою миссию оценивает высоко: «Я... возвращаю русскому читателю его достоинство» [Михаил Шишкин: 2009: 138].

Роман «Венерин волос» писался в 2002–2004 гг. в Цюрихе и Риме. Основные технологии письма – поток сознания в духе Джойса и постмодернистские интертекстуальность и интердискурсивность с бесконечными чудовищными перемещениями, смешениями лиц, голосов, времён, пространств, событий, реальностей и фантазии. Эти технологии как нельзя более дают простор манипулированию информацией. В книге выделяются три сюжетных пласта: жизнь рассказчика («толмача»), рассказы беженцев и дневники певицы. Они объединяются «Венериной» темой через классические символы любви: Дафнис и Хлоя, Тристан и Изольда.

Название романа раскрывается в финале книги. Рассказчик любуется историческими памятниками Рима. В потоке сознания возникает образ «травы-муравы»: *«Трава мурава. Растёт себе. Пускает корни в каждой расщелине. <...> Всё дело в травке-муравке. <...> У нас – комнатное растение, иначе не выживет, без человеческого тепла, а здесь сорняк. Так вот, это на мёртвом языке, обозначающем живое, – *Adiantum capillus veneris*. Травка-муравка из рода адриантум. Венерин волос. Бог жизни. Чуть шевелится от ветра. Будто кивает, да-да, так и есть: это мой храм, моя земля, мой ветер, моя жизнь. Трава трав»* (472–473). Фрагмент возвращает к воспоминаниям рассказчика о школе. Проводником к теме школьного детства служит школьная учительница (преподавала ботанику и зоологию) Галина Петровна, на языке школьного жаргона «Гальпетра»: строгая, некрасивая,

нелюбимая: «Её никто не любил. Ни дети, ни учителя» (168). «Она ... всё время повторяла: “Растения – живые, а называются на мёртвом языке. Вот видите, в южном климате это сорняки, растут где попало, а у нас это комнатные растения. Без человеческой любви и тепла они в нашей зиме не выживут”» (169). Таким образом, «Гальпетра» становится соединяющим звеном темы любви (нелюбви) и темы России, покинутой родины.

В контрасте «для жизни необходима любовь» и «нелюбовь к учительнице», символу школьного детства, глубоко скрыта, но ощутима важная составляющая идейного содержания (немодный ныне термин!) романа, объяснение нелюбви к родине: на этой родине не умеют любить (не растёт тут любвеобильная травка-муравка). Зато много бесчеловечности. Культ любви господствует в дореволюционных воспоминаниях певицы. В послереволюционные годы доминируют бесчинства, кровь, насилие, несправедливость. Атрофия чувств, эмоциональная глухота неоднократно подчёркиваются неадекватной смеховой реакцией участников и свидетелей событий. Подруга афганского солдата описывает «смешную» детальку из своего прошлого официантки в кафе: «Рассказывала, как выковыривала грязь из-под ногтей и добавляла в мороженое – рассказывает и умирает сама от хохота» (65). Казаки старались колёсами с хрустом раздавить головы мёртвых красных. «Павел стал на них ругаться, а они... **гоготали**» (321). В мирное послевоенное время школьник и школьница сидят на детской площадке, напротив памятника погибшим солдатам, едят вишни и от нечего делать выплёвывают косточки так, чтобы они «выстреливали и летели прямо в солдата... <...>. Она... один раз даже попала ему в глаз. На бельме вдруг появился вишнёвый зрачок, и получилось, что солдат косит одним глазом прямо на нас, мол, как же так, я за вас погиб. А вы в меня косточками! Мы **расхохотались** и пошли бродить по улицам дальше» (368).

Представляется, что сам автор (писатель Шишкин) знает простую и надёжную формулу любви к отечеству или её красной черты. Устами (вернее, пером, т.к. это якобы дневниковая запись) героини одной сюжетной линии романа, явным прототипом которой послужила талантливая и популярная певица Изабелла Юрьева, автор свидетельствует: «<...> И удивительное чувство – среди своих можно на Россию ругаться, сколько душевнее угодно, а тут, с чужими, которые начинают плохо говорить о моей стране, отчего-то сразу начинаешь её защищать» (406).

Рассказчик – писатель не ностальгирует по оставленной родине, напротив, откровенно, в эмоциональном порыве, отказывается от неё. Но и новоприобретённой родине

предпочитает другую страну: *«Если бы вы знали, с какой радостью я бросил Швейцарию и полетел в мою душеньку, в мою красавицу Италию. Она моя! Никто в мире её не отнимет у меня! Я родился здесь, Россия и Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр – всё это мне снилось!..»* (172). Аттрактором в хаотическом перечислении выступает негативно-оценочное, экспрессивное слово «подлецы». – «Благодарные» слова кафедре, театру (спектакли по его произведениям в постановке П. Фоменко, О. Табакова и М. Брусникиной, Г. Долмазяна, Н. Кобелева добавили автору лавра в победном венке)?..

Дым отечества автору-рассказчику-писателю не сладок и не приятен, весна не радует ни свежей зеленью, ни ароматами обновляющейся природы: *«Уже была весна, и во дворе, забитом ржавыми “жигулями” и заляпанными московской грязью иномарками, вылез из под снега весь собравшийся за зиму мусор. Код в подъезде был сломан, лифт не работал, и пришлось подниматься по лестнице, заваленной обломками кирпича от затянувшегося ремонта, газетами и селёдочными головами. Стоял московский подъездный дух – пахло мочой, кошками и сырой побелкой»* (98). И в следующий приезд то же отторжение: *«Код был сломан. В подъезде пахло краской после только что оконченого ремонта, и к этому новому запаху уже примешивался старый – кошек, мочи и сырой побелки»* (99). Дословный повтор ключевых слов передаёт уверенность автора в том, что на его родине не может быть никаких изменений к лучшему (у России нет будущего?). Возделенной Италии он прощает и то, что так отталкивает его на его малой родине: *«Запахи римской улицы: бензина, кофе из распахнутых дверей бара,.. мочи и мокрой извёстки из подворотни»* (171).

В романе, написанном в далёкой, благополучной Швейцарии, слишком явно превалирует негативный модус представления России, так сказать, и анфас, и в профиль. Это, прежде всего, подбор сугубо негативных обстоятельств, действий, представителей современной России. Рассказчик выступает в функции переводчика («толмача»: автор, кажется, жонглирует филологическими, как, впрочем, и энциклопедическими знаниями, в данном случае намекая на происхождение немецкого эквивалента Dolmetscher от тюркского слова). Сфера его профессиональной деятельности – переводчик в миграционной службе Цюриха.

Во время дознания мигрантов из России автор-рассказчик-переводчик не только не сочувствует бывшим соотечественникам, даже не испытывает стыда за них, просто равнодушен, – так глубоко проникла в его мысли и чувства нелюбовь к стране его детства и

юности. Девушка-адвокат, желая сказать коллеге-переводчику приятное, сообщает, что её брат женится на словачке: *«Ей казалось, что Словакия и Россия – это что-то похожее, близкое»*. Тот в ответ *«сделал вид, что ему это действительно приятно»* (351). Ещё раз желая сделать коллеге приятное, она говорит, что *«никогда ещё не была в России и очень хотела бы проехать через Сибирь на поезде по Транссибирской магистрали»*. Переводчик опять из вежливости соглашается, мысленно удивляясь: *«Почему-то все швейцарцы хотят проехать через Сибирь на поезде. Толмач, когда жил в России, не хотел. Да и теперь предпочёл бы самолёт»* (352). Полное отсутствие каких-либо ностальгических ощущений по отношению к России даже не оценивается им как психическая неадекватность.

В офисе миграционной службы проходит дознание русскоязычных лиц, подавших заявление о предоставлении убежища. Все эти лица исключительно беспринципные, социально ущербные, опустившиеся, физически отталкивающие; в надежде получить право остаться в европейском раю, они лгут, щедро раскрашивают картины чудовищно бесчеловечной российской действительности, от которой они бегут. Душераздирающие факты изнасилований детей, дедовщина в армии, беспредел на зоне, зверства русских и чеченцев, повсеместная коррумпированность и продажность всех государственных органов и ветвей власти, вплоть до ФСБ и судопроизводства, гонение на оппозиционеров... Истории повторяются, тиражируются; дознаватель, немец Фишер, знает все эти истории, скучает и сам раскрашивает их деталями, всегда попадая в точку. И заражение СПИДом в больнице при переливании крови, и переодетые милиционеры, *«которые норовят взломать дверь, ворваться в квартиру, перевернуть всё вверх дном, отбить почки, сломать руку или ребро»* (26). И нянечка в детском саду: *«когда дети уселись на горшки, открыла окно, чтобы увеличить простуду и уменьшить посещаемость»* (37). И зверски убитые родители. А кто-то *«и вовсе попросит занести в протокол, что у нас тут хорошо, и не холодно и не жарко, а у них четыре времени года: зима, зима, зима и зима»* (24).

Ещё немного и образы соотечественников подвергнутся кафковской инсектизации... Господин Фишер презирает этих грязных, невытых, вонючих, бездарно изошряющихся в изобретении леденящих душу подробностей. Но вместе с тем верит: *«Пусть говорящие фиктивны, но говоримое реально. Хорошо, люди ненастоящие, но истории, истории-то настоящие! Просто насиловали в том детдоме не этого губастого, так другого. И рассказ о сгоревшем брате и убитой матери тот парень из Литвы от кого-то слышал. Какая разница, с кем это было?»* (25). Дознаватель уверен: цель всех этих безликих, безродных

одна: остаться в иноземном раю, а потом *«воровать да скупать краденое. <...> Здесь в магазинах воруют, а у себя там в ларьках продаёте – вот вся ваша работа»* (24). Господин Фишер демонстрирует, какое воздействие на него оказывает создаваемая писателем художественная картина русского, русскоязычного мира. Со всей определённостью можно утверждать, что разменная валюта за негативный образ России в зарубежном мире принята, работает...

В этих картинах российской повседневности, одна страшнее другой, не люди, а сплошные варвары, озлобленные, не способные к состраданию. Вот *«пацаны»* планируют крушение поезда, чтобы потом *«собирать с людей драгоценности»*. В ответ на вопрос, не жалко ли им людей, *«парни ухмыляются»* (58–59). В изображении России, российского народа широко используется приём генерализации, типизирования единичного: из отдельных эпизодов шьётся саван для всей страны. От имени какого-то проходного персонажа, попа, собака которого загрызла собственных щенят, звучит приговор: *«Что можно ждать от страны, где матери убивают своих детей?»* (70). Из дневника будущей певицы: *«Махно – школьный учитель. В России как-то всё странно: почему учителя возглавляют банды и руководят погромами?»* (300).

Антимилитаризм писателя направлен и на братское противостояние в период гражданской войны, и на военные операции в Афганистане. Неслучаен многократный повтор негативно-оценочного, экспрессивного глагола **«озвереть»**. Примеры: На афганской войне *«все вконец озверели»* (264); *«Господи, как же озверели люди!»* (298); *«Озверели все, даже персонал»* (312); *«Все кругом озверели»* (320); *«Все озверели и бросались друг на друга чуть ли не с кулаками»* (405). Равно бесчеловечными представляются зверства и «красных», и «белых»: *«Трудно было провести орудие и не раздавить человека: красные бежали, сдавались в плен, но казаки устроили резню. Ездовые старались наехать колесом на голову, и она лопалась под колесом, как арбуз»* (321). Бесчинства «красных», отнюдь не из идеологических соображений, по отношению к инородцам-калмыкам: *«На их земли давно положили глаз крестьяне из русских сёл, поэтому и поддержали большевиков и уничтожали калмыков, вырезали целые деревни... Убивали всех, кто не успел убежать. <...> Паша фотографировал сожжённые буддийские храмы-хурулы. Всё загрязнено, измазано нечистотами. Разбитые изображения Будды. Разорванные священные книги. <...> В одном храме вырыли прах какого-то ламы, выбросили кости на дорогу»* (298).

В процессе опроса незаконных иммигрантов не раз всплывает трагичная история насильственного переселения немцев, чеченцев. Жителей Грозного согнали на главной площади, зачитали приказ *«и повезли на железнодорожные пути,.. где ожидали эшелоны с вагонами для перевозки скота»* (288). Как достоверный исторический факт подаётся информация о до конца так и не расследованных событиях в Хайбахе: их обстоятельствах, характере и масштабе. В качестве свидетельства достоверности используется имитация докуметальности: двустраничный список якобы заживо сожжённых русскими жителей горного аула. Конкретика – имена и возраст жертв (от новорождённых до 108 летних старцев) – оказывает на читателя сильнейшее эмоциональное воздействие. Описывается эпизод – то ли легенда, то ли быль, когда пленные чеченцы предпочли героическую смерть: бросались в пропасть, увлекая за собой русских солдат-конвоиров.

В этой сюжетной линии реальность окончательно уступает место фэнтези путём причудливого переплетения истории гибели чеченцев (1944) и истории бегства эллинов от персов (V в. до н.э.). Обе истории излагаются от имени Ксенофонта, древнегреческого писателя (ок. 430–355 или 355 до н.э.), автора семитомной «Греческой истории». Чеченские беженцы встретились с отступавшими эллинами. *«Жители аула обратились к ним, не могут ли они погреться у костров и получить что-то поесть. Греки поделились с чеченцами тем немногим, что у них было. Ксенофонт, как мог, объяснил этим замёрзшим, уставшим людям, не понимавшим эллинской речи, что он ведёт своих греков к морю. <...> И наутро они вместе отправились дальше в путь»* (288–293). Налицо приём героизации одной стороны трагически конфликтной ситуации и дискредитация другой. Первые, чеченцы, оправданы самой историей, приняты в лоно великой греческой цивилизации. Вторая сторона, Россия, лишается даже права ссылки на смягчающие обстоятельства.

Автор педалирует болезненные темы войны в Афганистане и Чечне. Не сопереживает обманутым, брошенным в пекло несправедливой войны, плохо подготовленным вчерашним мальчишкам, физически и нравственно искалеченным. Насмотревшись и наслушавшись о зверствах душманов над российскими пленными, русские солдаты отвечали тем же. Натуралистически живописно описываются зверства афганских душманов, чеченцев, но зверства русских и там, и тут – приоритетно. *«И вот мы их клали под колёса или топили, как раз то, чего они боялись. Тут уж начинали визжать, кричать что-то, вырываться. А это только раззадоривало. Руки ему скручивали и сажали на “ласточку” – это когда чалмой свяжешь его сзади так, чтоб он не мог ни рукой, ни ногой пошевелить»*. По ошибке

расстреляли «караван с гружёными ослими. А это жители кишлака везли яблоки на рынок» (55).

То же в Чечне: «А мы до этого насмотрелись на то, что они с нашими ранеными сделали <...>: двое ребят – глаза выколоты, уши отрезаны, все суставы в обратную сторону вывернуты. Мы обозлились, привязали его к БТРу и потаскали по засохшей глине всласть. Потом бросили на пустыре, хотели оставить подыхать на солнце» (264); «Мы поймали гранатомётчика, который стрелял по ребятам нашей роты. Прикрутили его проволокой к гранатомёту, облили бензином и подожгли» (265). Немец-дознаватель добавляет факты гибели чеченских детей: «Как на улице играл ребёнок и вдруг у него голова разлетелась вдребезги – это русский снайпер. Или про бомбёжку в Шали, как девочка трёх лет играла на дороге около своего дома, тут пролетел самолёт, и её не стало – <...> – вместо ребёнка захоронили её зимнюю шубку» (266). Мать русского солдата, пропавшего без вести, ходит по деревням, показывает фотографию сына и спрашивает: «Не видела ли ты, мать, моего ребёнка?» <...> «Видела, – отвечает, – это тот, кто моего сына убил» (267). А русский солдат, убивший чеченского мальчишку, оправдывается: «Ещё совсем пацан, но знает, что это мы, русские, убили его отца. Он подрастёт и будет мстить. И он нам не простит. <...> Этот пацан... не вырастет и не будет стрелять в моего сына» (266). Один опрашиваемый рассказывает, как их встречали чеченские дети: «Мы им улыбались, пытались рассмешить, строить им рожи – никто из детей не улыбнулся. Ещё были оголодавшие собаки на цепях у брошенных и сожжённых домов. А в Грозном собаки были, наоборот, толстые, отъелись мертвечиной» (263). Беженка-чеченка «подошла к тому, что осталось после её дома, и молча стояла. <...> Потом на меня посмотрела и так же молча ушла» (264). Известно, что молчание как коммуникативный акт, разновидность значащего нуля, – сильное выразительное средство (Цицерон: «Самый сильный крик содержится в молчании»). Ещё в памяти осталось, что везде в Чечне были «надписи на стенах, на разрушенных домах: **русские свиньи**» (265).

Это клеймо всплывает в контексте депортации этнических немцев Поволжья: «Во время войны русских немцев везли на барже в ссылку по Каспию, жара, к цистернам с водой очередь, ругань, драка, а одна женщина говорит: перестаньте, **вы же не русские!**» (420). В швейцарской квартире толмач показывает видеозаписи чеченских операторов с картинами нечеловеческих пыток русских в Чечне: юношей, стариков, беременной женщины (212–213). Никто из гостей не смог досмотреть их до конца. Зверства в Чечне совершались с обеих

сторон. Но позицию толмача, как представляется, и писателя Шишкина, коротко и безжалостно формулирует, как выносят приговор, немец Фишер: *«Но только это вы там, у себя, герои и жертвы, а здесь вы – захватчики и убийцы. И война не чужая, а ваша»* (54).

Peter Fischer (по-русски – Пётр Рыбаков) – фигура знаковая, символическая: аллюзия к библейскому апостолу Петру, изначально простому рыбаку Симону, уверовавшему в идеи Христа и посвящённому им в искусство улавливания в сети души людские; он же – хранитель ключей Царства Божьего. Поэтому приговор «окончательный и обжалованию не подлежит». Казнить. Нельзя помиловать. Суд не мирской, а божий. В языковом плане микротекст оформлен в соответствии с правилами судебного дискурса. Сила его воздействия достигается контрастом подчёркнутой лаконичности и смысловой однозначности на фоне предыдущей многословности, лексической и синтаксической многослойности, многоступенчатости. Итак, обращение к библейским сюжетам на службе информационно-психологической войны в пространстве художественного слова.

Удивительно, что при большом спектре исторических экскурсов и акценте на жестокости, преступлениях против человечества, творимых в мире XX века, нет ни единого упоминания о зверствах фашизма. Немцы лишь упоминаются как противники в эпизодах первой мировой войны. Но тут же – дифирамбы: *«Воевали-воевали, а как пришли немецкие каски на улицы Ростова – так уже не враги, а чуть ли не освободители! И как все в момент преобразились! <...> Просто стыдно было смотреть, как все немцам обрадовались! Сразу спокойствие и порядок. <...> Как это позорно и унижительно, что порядок и освобождение русским могут дать только немцы! Я до сих пор всё это не могу понять, как так получается: воевали против немцев за порядок и довольствие в своей стране, а смогли получить это, только когда немцы нас победили. <...> Просто поражает, с какой радостью все были готовы принять порядок – немецкий, с германским флагом, веющим над городом, – и не способны ничего сделать сами!»* Ответственность за эти дифирамбы автор перекладывает на якобы владелицу дневника. Более того, устами её отца писатель Шишкин озвучивает сакраментальную фразу, которая может служить идентификатором самой яркой враждебности в отношении России тех, кто хотел бы стереть даже самую память о Великом государстве Россия: *«Россия никакая не великая, а просто очень большая рабская страна и должна быть немецкой колонией...»* (319–320).

В романе М.П. Шишкина, при всей литературно-жанровой специфике, немало общего с сочинениями А.А. Зиновьева и Д.Л. Быкова, начиная с проблемы самоидентификации

народа, языковой и этнокультурной. Как и Быков, Шишкин пытается лишить этнос исторической достоверности. Реанимируется, как и у Быкова, околонучная (мифическая) гипотеза «гиперборейского» происхождения русского этноса. Вопрос всплывает, когда автор-рассказчик в шуточной форме отвечает на вопросы своего якобы не проживающего с ним сына о стране («империи»), в которой тот родился: *«Главный вопрос, занимающий имперские умы уже не одно поколение, – кто мы и зачем? Ответ на него, при всей кажущейся очевидности, невнятен. В профиль – гипербореи, анфас – сарматы, одним словом, то ли орочи, то ли тунгусы. <...> Верования примитивны, но не лишены некоторой поэтичности. Иные убеждены, что мир – это огромная лосиха. <...> Этакая рогатая хозяйка вселенной»* (14–15). Шуточный тон, эпистолярный жанр неофициального письма якобы сыну не могут оправдать такое залихватски-пренебрежительное обращение с одним из крупнейших и древних этносов.

Самая главная, родовая черта, «основание для сравнения» всех трёх сочинений – насыщенно негативный образ России, с её народом, её внутренними драмами и трагедиями и её внешней политикой. Как и в двух первых объектах анализа, широко используется приём гиперболизации, например, противоречащее фактам утверждение, что в трагические годы депортации ряда народов в Сибирь, Казахстан местные жители *«ничего не продавали эвакуированным, а молоко, которое оставалось, демонстративно выливали на землю»* (420). В арсенале манипулятивных способов используется дискредитация, принижение известных представителей России посредством композиционного приёма физиологизации – показа в сугубо приземлённых бытовых контекстах. Подобно боевому генералу Скобелеву, якобы, согласно Быкову, скандально закончившего жизнь *«на бабе»*, писатель Шишкин смачно, вульгарно-натуралистически рисует уход из жизни певицы, за которой узнаваемо кроется Изабелла Юрьева. По словам её прислуги (или экономки), *«не могла покойница последнее время никак поспать – что вы хотите, в сто лет! И тут я ночью слышу как гром. Прибегаю, лампа на тумбочке стояла – валяется на полу разбитая, а Белла Дмитриевна с кровати упала – вся, прости Господи, обосралась»* (99). В потоке сознания автора-рассказчика всплывает так «нужная» миру искусства, меломанам, сомнительно объективная информация: *«Известный в Москве доктор-гипнотизёр Даль излечил Рахманинова от пьянства, убедив его в том, что водка – это керосин, и из чувства благодарности композитор посвятил ему свой Второй концерт»* (422). Далее идёт вброс сомнительной бытовой информации, косвенно затрагивающей А.С. Пушкина: *«Среди гостей кто-то*

привёл двух древних старух, называли их внучками или правнучками Пушкина и почему-то Вальтер Скотта вместе – ели обе очень усердно и жадно» (425). Не обойдён «важной» информацией и Н.В. Гоголь: завернув в глухой переулок, «принялся петь разгульную малороссийскую песню, наконец пустился просто в пляс и стал вывёртывать зонтиком на воздухе такие штуки, что не далее двух минут ручка зонтика осталась у него в руках, а остальное полетело в сторону» (428). Подобно тому, как А.А. Зиновьев оклеветал бесценный подвиг женщин – участниц ВОВ, Шишкин сделал то же самое с памятью об участии женщин-россиянок в Афганской войне, выдавая отдельные факты за всеобщую правду: «Туда ведь ехали охотно – за граница, и платили чеками. Можно было накопить на квартиру, привезти что-то – одежду, телевизор – ничего же не было. <...> Вот и ехали за чеками на войну – работали в госпиталях, при складах, на прачечном комбинате. Сходились с каким-нибудь полковником. Или с прапорщиком – это приравнивалось, потому что у прапорщика склад...» (65).

И на войне есть обязанности, требующие участия женщин. Но мины и пули не знают гендерных различий. И не все ехали с риском попасть под пули лишь ради сомнительных материальных благ. Об этом говорит Мавлюда Турсунова – «женщина-легенда афганской войны», награждённая орденом Почёта и медалями. Она «служила спецпропагандистом. Кто не знает – это специальная структура по психологическому воздействию на войска противника и население с целью их деморализации и склонения к прекращению сопротивления. В Советской армии этим занималось 7-е управление Главного политического управления СА и ВМФ. В 1992 году, захватив власть, демократы по требованию США наряду со стратегическими вооружениями уничтожили и органы спецпропаганды» [Независимая газета. URL: www.ng.ru/style/2015-02-13/12_afgan.html (дата обращения – 13.03.2016)]

Подытоживая анализ и отвечая на задачу, обозначенную в заголовке статьи, суммируем. В романе явно представлены признаки информационно-психологической войны против России. Продукт «военно-невоенных» действий – однозначно негативный, монохромный образ России, особенно послереволюционной, её истории, её народа. Главный инструмент создания этого образа – ничем не ограниченная манипуляция: односторонний отбор информации, гиперболизация, детализация, неясный абрис, усиление путём повтора или, наоборот, замалчивание. Технология потока сознания представляет идеальные возможности комбинирования, соединения несочетаемого, реального и фантастического,

принадлежащего разным историческим пластам, эпохам, событиям, персонажам. Использование жанра дневниковых записей, эпистолярного жанра, документалистики, цитирования фрагментов исторической прозы создаёт эффект полифонии, многоголосья – ширму, за которой скрывается всё тот же актер антироссийской подоплёки художественного творения. Продукты манипуляций разбросаны по пространству романа. Их можно и не заметить. Но они подвержены принципу аккумуляции, обладают эффектом, названным в нейролингвистике эффектом 25-го кадра, и могут оказать воздействие на читателя в определенном направлении.

Рафинированный читатель романа – а именно на него рассчитан текст [Чередниченко 2014] – сочтёт предпринятый анализ проявлением элементарного невежества, обвинит в непонимании философии автора, стремящегося показать диалектику жизни и смерти, высокого и низкого, возвышенного и низменного, прекрасного и безобразного, величественного и жалкого, достойного и порочного, идеала и его воплощения. Однако создаваемая частностями общая картина государства, народа, подкреплённая высказываниями самого автора, подтверждает объективность сделанного заключения. Старая истина: целое больше суммы его частей. И не отменён закон перехода количества в качество.

Писатель Шишкин создаёт образ России в серо-чёрной гамме, используя при этом всё выразительное богатство русского языка. Наверное, автора можно назвать виртуозом литературной формы. В дискуссиях о творчестве М.П. Шишкина нередко говорится о переносе центра тяжести текста с сообщения на язык, который, по замечанию самого автора, есть его «тропинка к Богу». На это последнее заявление нельзя не возразить. Язык, ведущий к Богу, принадлежит людям. Ничьих языков не бывает. Отказ от своей родины, народа, его истории и его будущего не приведёт к Богу. Язык, оторванный от его традиционных носителей, мёртв. Когда в потоке сознания просто идёт вереница русских пословиц и поговорок (428–429, 472 и др.) – «великий и могучий» умирает. Вне контекста устойчивые сочетания лишены смысла. Оторванные от носителей и строителей этого языка, которых автор рисует грязными, далёкими от цивилизации, с их, якобы, «глупой» верой, тупостью, безраздельной жестокостью, паремии, фразеологизмы лишаются своей основной функции: быть выразителями национального менталитета, сокровищницей мудрости народа, хранителями его истории, его славных – и бесславных тоже – деяний. Филологам (филолог и писатель М.П. Шишкин не исключение) это хорошо известно уже в изложении В. фон

Гумбольдта: «Язык и духовные силы развиваются не отдельно друг от друга и не последовательно один за другим, а составляют нераздельную деятельность интеллектуальных способностей. Народ создаёт свой язык как орудие человеческой деятельности, позволяя ему свободно развернуться из своих глубин... <...> Духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в столь тесном слиянии друг с другом, что коль скоро существует одно, то из этого обязательно должно вытекать другое» [Гумбольдт 2001: 67–68]. Русский язык впитал в себя великое и смешное, факты исторических побед и поражений, великих научных открытий, взлёты творческой мысли гениальных учёных, литераторов и художников, вписавших нетленные страницы в мировую науку и во все виды мирового искусства. При всём уважении к «малым» народам, ороцкий, бесписьменный, и эвенкийский (тунгусский) младописьменный язык (ср. С. 14–15) не могут сравниться по силе выразительности с действительно великим и могучим русским языком, – родным языком писателя Шишкина. И, наверное, не стоит так шутить: в каждой шутке должна быть доля правды. Попытка оторвать русский язык от России, а взгляд на Россию, минуя призму языка, по большому счёту, не может удался.

Негативный образ России, вылепленный в анализируемом романе, способен порождать упаднические настроения, дезориентацию в мире моральных и эстетических ценностей, растерянность, неуверенность в лучшем будущем, деморализацию и дегуманизацию отечественного читателя и убеждённость внешнего читателя в том, что ведущаяся информационная война против России оправданна. И это позволяет говорить о наличии в романе – не по замыслу, но по результату – черт, признаков, симптомов информационно-психологической войны против России. В целом предпринятый опыт анализа трёх произведений свидетельствует о том, что художественная литература при определённых условиях – один из мощных каналов ведения информационно-психологической войны. И эта сфера культуры оказывается непосредственно связанной с понятием информационной и, следовательно, национальной безопасности государства. Предмет и задача предпринятого исследования ни в коей мере не есть предложение пересмотреть, тем более, оспорить художественные достоинства произведения. Вывод по проведённому анализу – личное мнение лингвиста.

Список литературы

- Бернацкая А.А. Художественный текст как пространство информационно-психологической войны (на материале романа/повести А.А. Зиновьева «Катастрожка») // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. №2. С. 197-253. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2015/12/Bernatskaya-A.A._1.pdf (дата обращения: 13.03.16).
- Бухарин С.Н., Цыганов В.В. Методы и технологии информационных войн. М.: Академический Проект, 2007. 382 с.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем./ Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2001. 400 с.
- Костин В.И., Костина А.В. Национальная безопасность современной России: экономические и социокультурные аспекты. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 344 с.
- Кучерская М. Михаил Шишкин: Я уехал в Швейцарию, а окунулся в Россию. Беседа с русским писателем за границей // Российская газета, 19 мая 2004. №2. С. 8.
- Михаил Шишкин // Одиннадцать бесед о современной русской прозе / Интервью Кристины Роткирх. Под ред. Анны Юнгрен и Кристины Роткирх. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 129–147.
- Морев Г. «Язык – это оборона». Михаил Шишкин о новом типе романа, русском языке и любви к Акакию Акакиевичу. Интервью с М.П. Шишкиным // Критическая масса. 2005. №2. URL: <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/sh3.html> (дата обращения: 13.03.2016)
- Новиков В.К. Информационное оружие – оружие современных и будущих войн. М.: Горячая линия Телеком, 2011. 264 с.
- Оробий С. «Словом воскреснем»: истоки и смысл прозы Михаила Шишкина // Знамя. 2011. № 8. С. 184–191.
- Панарин И.Н. Технология информационной войны. М.: «КСП+», 2003. 320 с.
- Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой. М.: РОССПЭН, 2012. 327 с.
- Почепцов Г.Г. Пропаганда и контрпропаганда. М.: Центр, 2004. 256 с.
- Самохвалова В.И. Специфика современной информационной войны // Идеология и процессы социальной модернизации. Сб. статей / Под общей редакцией Т.Б. Любимовой. М.: Academia, 2013. С. 184–219.
- Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 55. С. 42–51. URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/984/21%20Skovorodnikov.pdf> (дата обращения: 13.03.16).
- Чередниченко С. Михаил Шишкин // Вопросы литературы, 2014. № 2. С. 233–253.
- Шишкин М.П. Венерин волос: роман. М.: Вагриус, 2006. 480 с.
- Шишкин М.П. «Всех ожидает одна ночь. Записки Ларионова». Обсуждение. URL: <http://www.ljpoisk.ru/archive/2014/13817834.html> (дата обращения: 13.03.2016).
- Независимая газета. URL: www.ng.ru/style/2015-02-13/12_afgan.html (дата обращения: 13.03.16).

References

- Bernatskaya A.A. Hudozhestvennyj tekst kak prostranstvo informacionno-psihologicheskoy vojny [A literary text as sphere of info-psychological war (based on A. A. Zinovyev's novel "Katastryka")]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2015. № 2. Pp. 197–223.

Available at: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2015/12/Bernatskaya-A.A._1.pdf
(accessed 13.03.16).

Bukharin S. N., Tsyganov V. V. *Metody i tekhnologii informatsionnykh voyn* [Methods and technologies of informational wars]. M.: Akademicheskiy proekt Publ., 2007. 382 p.

Humboldt V. fon. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju* [Selected linguistics works]: Trans. from germ. Under. red. G.V. Ramishvili; Poslesl. A.V. Gulygii V.A. Zveginceva. M.: OAO IG «Progress» Publ., 2001. 400 p.

Kostin V.I, Kostina A.V. *Nacional'naja bezopasnost' sovremennoj Rossii: ekonomicheskie i sociokul'turnye aspekty* [National safety of modern Russia: economical and socio-cultural aspects]. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ., 2012. 344 p.

Kucherskaja M. Mihail Shishkin: Ja uehal v Shvejcariju, a okunulsja v Rossiju. Beseda s russkim pisatelem za granicej [I left for Swizerland, but found out in Russia]. Interview with Russian writer abroad. *Rossijskaja gazeta*. 19 maja 2004. № 2. P. 8.

Mihail Shishkin. Odinnadcat' besed o sovremennoj russkoj proze [Eleven talks about the modern Russian prose]. *The Interview with Kristina Rotkirh* [Christina Rotkirh's interview]. Under red. Anny Jungren i Kristina Rotkirh. M.: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. Pp. 129–147.

Morev G. «Jazyk – eto oborona». Mihail Shishkin o novom tipe romana, russkom jazyke i ljubvi k Akakiju Akakievichu Interv'ju s M.P. Shishkinym [Language is defense. Mikhail Shishkin about new type of a novel, Russian and love to Akaki Akakiyevich. The Interview with M.P. Shishkin]. *Kriticheskaja massa*. 2005. № 2. Available at: <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/sh3.html> (accessed 13.03.16).

Novikov V.K. *Informacionnoe oruzhie – oruzhie sovremennyh i budushhih vojn* [Informational weapon – weapon of modern and future wars]. M.: Gorjachaja linija –Telekom Publ., 2011. 264 p.

Orobij S. «Slovom voskresnem»: istoki i smysl prozy Mihaila Shishkina [Roots and meaning of Michail Shishkin's prose]. *Znamja*. 2011. № 8. Pp. 184–191.

Panarin I.N. *Tehnologija informacionnoj vojny* [Technology of informational war]. M.: «KSP+» Publ., 2003. 320 p.

Politicheskaja kommunikativistika: teorija, metodologija i praktika [Political communicativity: theory, methodology and practice]. Pod red. L.N. Timofeevoj. M.: ROSSPJeN Publ., 2012. 327 p.

Pohepcov G.G. *Propaganda i kontrpropaganda* [Propaganda and counterpropaganda]. M.: Centr Publ., 2004. 256 p.

Samohvalova V.I. *Specifika sovremennoj informacionnoj vojny* [Specification of modern informational war]. *Ideologija i process social'noj modernizacii* [Ideology and processes of social modernization]. Collection of articles. Pod obshchej redaktsiej T.B. Ljubimovoj. M.: Academia Publ., 2013. Pp. 184–219.

Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. *Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny: k obosnovaniju i opredeleniju ponjatija* [Linguistics of info-psychological war: reasoning and definition] *Politicheskaja lingvistika*. 2016. № 55. Pp. 42–51. Available at: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/984/21%20Skovorodnikov.pdf> (accessed 13.03.16).

Cherednichenko S. Mihail Shishkin [Michail Shishkin]. *Voprosy literatury*. 2014. № 2. Pp. 233–253.

Shishkin M.P. *Venerin volos* [Venus's hair]: roman. M.: Vagrius Publ., 2006. 480 p.

SHishkin M.P. «Vsekh ozhidaet odna noch'. Zapiski Larionova». Obsuzhdenie ["All are expected by one night. Larionov's notes". Discussion]. Available at: <http://www.ljpoisk.ru/archive/2014/13817834.html> (accessed 13.03.16).

Nezavisimaya gazeta [Independent newspaper]. Available at: www.ng.ru/style/2015-02-13/12_afgan.html (accessed 13.03.16).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Бернацкая Ада Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации
*Сибирский федеральный университет
Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79
E-mail: bern1940@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Bernatskaya Ada Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language, Literature and Speech Communication
*Siberian Federal University
79 Svobodny prospect, Krasnoyarsk 660041 Russia
E-mail: bern1940@mail.ru*